

Список литературы

1. Лебедева И. В. Российские немцы в Германии: интеграция завершена (рецензия на книгу Тило Саррацина «Германия вытесняется») / И. В. Лебедева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 1. – С. 212–215.
2. Лебедева И. В. Мультикультурализм в Германии под прессом современной критики: полемика вокруг книги «Нойкёлльн повсюду» (рецензия на книгу Хайнца Бушковского «Нойкёлльн повсюду») / И. В. Лебедева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 1. – С. 283–284.
3. Лебедева И. В. Между двух культур культур (Рецензия на книгу Неклы Келек «Хаос культур. Дебаты вокруг ислама и интеграции») / И. В. Лебедева, Л. К. Лебедева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 2.
4. Лебедева И. В. Свободная женщина Востока как феномен «другого» в семье / И. В. Лебедева // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 4. – С. 302–309.
5. Seyran Ates. Der Multikulti-Irrtum. Wie wir in Deutschland besser zusammenleben können / Seyran Ates. – Ullstein, 2010.

References

1. Lebedeva I. V. Rossiyskie nemtsy v Germanii: integratsiya zavershena (retsenziya na knigu Tilo Sarratsina «Germaniya vytesnyaetsya») / I. V. Lebedeva // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura. – 2011. – № 1. – S. 212–215.
2. Lebedeva I. V. Multikulturalizm v Germanii pod pressom sovremennoy kritiki: polemika vokrug knigi «Noykelln povsyudu» (retsenziya na knigu Khayntsa Bushkovskogo «Noykelln povsyudu») / I. V. Lebedeva // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura. – 2013. – № 1. – S. 283–284.
3. Lebedeva I. V. Mezhdv dvukh kultur kultur (Retsenziya na knigu Nekly Kelek «Khaos kultur. Debaty vokrug islama i integratsii») / I. V. Lebedeva, L. K. Lebedeva // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura. – 2013. – № 2.
4. Lebedeva I. V. Svobodnaya zhenshchina Vostoka kak fenomen «drugogo» v seme / I. V. Lebedeva // Gumanitarnye issledovaniya. – 2012. – № 4. – S. 302–309.
5. Seyran Ates. Der Multikulti-Irrtum. Wie wir in Deutschland besser zusammenleben können / Seyran Ates. – Ullstein, 2010.

ОТ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ К «ВЕЛИКОМУ ПЕРЕЛОМУ» (рецензия на книгу В.А. Шишкина «Россия в годы “великого перелома” в восприятии иностранного дипломата (1925-1931 гг.)»)

Виноградов Сергей Вадимович, доктор исторических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dissovetsdm@yandex.ru

В статье анализируется книга доктора исторических наук, профессора В.А. Шишкина «Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.)». Рецензируемая работа основана на донесениях дипломатов чехословацкой миссии в Москве и прежде всего ее главы Йозефа Гирсы в Министерство иностранных дел Чехословакии и посвящена сложному периоду советской истории – переходу от новой экономической политики к так называемому «Великому перелому» конца 1920-х – началу 1930-х гг. (времени коллективизации, ограничения политических свобод, начала репрессий). Новизна книги заключается в том, что впервые в научный оборот вводится интереснейший источник – документы Министерства иностранных дел Чехословакии. Для написания монографии автор проделал огромную работу по анализу и переводу на русский язык более 300 донесений Й.Гирсы. Ценность этих сведений возрастает, если учитывать, что чехословацкую миссию в Советской России, с 1921 по 1932 г., возглавлял человек, хорошо знавший страну пребывания, и, по своему, переживавший за ее судьбу (Й.Гирса, до революции проживал в России, занимался предпринимательской деятельностью). Документы, приводимые в работе расширяют и дополняют наши знания о политической жизни СССР второй половины 1920-х– начала 1930-х гг.

Ключевые слова: Модернизация; нэп; экономика; дипломат; война; советы; аппарат; пропаганда; партия, СССР

**FROM THE NEW ECONOMIC POLICY TO «THE GREAT TURN»
(the review to the book of V.A. Shishkin «Russia during the years
of «the great turn» in perception of a foreign diplomat (1925-1931)»)**

Vinogradov Sergey V., D. Sc. (History), Professor
Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: dissovetdm@yandex.ru

In the article the book of Doctor of Historical Sciences, professor V.A. Shishkin “Russia during the years of the Great turn” in perception of a foreign diplomat (1925–1931)” is being analyzed. The book under review is based on the reports of diplomats from Czechoslovakian mission in Moscow and particularly its Head Joseph Girska to the Moscow Ministry of Foreign Affairs. It is dedicated to a complicated period of the Soviet history – the transition from the New Economic Policy to so called “the Great turn”, the end of 1920s – the beginning of 1930s (the period of collectivization, restriction of political liberty, the beginning of repressions). The novelty of the book is that for the first time an interesting source is introduced into scientific use – the documents of the Czechoslovakian Ministry of Foreign Affairs. The author has done a great job in analysis and translation of more than 300 reports of Girska into Russian during the work on the monograph. The value of these reports is rising with the fact that in 1921–1932 the Head of Czechoslovakian mission in Soviet Russia was a person who knew well the country where he lived, and who worried about its destiny (J. Girska lived in Russia before the October Revolution and he was an entrepreneur). The documents, mentioned in the book enlarge our knowledge about the political life of the USSR in the latter half of 1920s – the beginning of 1930s.

Keywords: modernization; New Economic Policy; economy; diplomat; war; Soviets; administration; propaganda; party, USSR

Среди многочисленной литературы о новой экономической политике практически незамеченной оказалась книга доктора исторических наук Валерия Александровича Шишкина «Россия в годы «Великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.)», вышедшая в Санкт-Петербурге в 1999 г. небольшим тиражом – 500 экземпляров. Маленький тираж, а может быть наше сумасшедшее время, все больше заставляющее смотреть вперед и все реже оглядываться назад, способствовали тому, что эта работа не получила должного резонанса. Хотя выйдя она лет на десять раньше, все было бы по-другому. Интерес к нэпу в XXI в. как-то поутих, потускнел, растерял былую популярность. Как заметил другой исследователь периода 1920-х гг. С.А. Павлюченков: «...опыт нэпа в силу своей ограниченности, в силу своего социалистического характера утратил всякий смысл в условиях стремительных рыночных и либеральных преобразований 1990-х гг. Планка рыночных реформ, установленная нэпом, осталась далеко внизу после смены общественных ориентиров и ценностей, произошедшей в 1990-е гг.» [8, с. 5].

Между тем, опыт нэпа нельзя рассматривать отдельно от предыдущего периода «военного коммунизма» и последующего «великого перелома», точно также, как их все вместе нельзя отрывать от общей истории страны. В частности, очевидно, что большевики по-своему подходили к задачам, поставленным пред Россией эпохой империи и не решенным ее реформаторами. А задачи эти можно вести к одному понятию – модернизация. Модернизация всех сфер жизни страны, одновременно затрагивающая интересы, устоявшийся уклад большинства ее граждан, представлялась очень болезненным процессом. Поэтому многие назревшие проблемы откладывались, не решались прежними правителями. Между тем, рано или поздно количество дало качество в виде прихода к власти большевиков в 1917 г., т.е. той силы, которая очень болезненно стала решать модернизационные проблемы, пытаться ликвидировать нарастающее отставание страны от западной цивилизации. Таким образом, период 1917–1941 гг. хоть и разделяется историками на военный коммунизм, нэп, великий перелом и т.д., но представляется как единый период модернизации страны, когда решались насущные и долго копившиеся проблемы, искались и применялись раз-

личные стратегии решения, стоявших перед страной задач, одной из которых была новая экономическая политика. В этом отношении нэп как одна из модернизационных стратегий актуальна в наше время, когда перед Россией, как и в 1920-е гг., стоят проблемы модернизации, но уже в новое время в новых условиях, но вновь необходимо преодолеть отставание от передовых государств.

Книга В.А. Шишкина посвящена анализу интереснейшего источника по истории новой экономической политики – донесениям дипломатов чехословацкой миссии в Москве и прежде всего ее главы Йозефы Гирсы в министерство иностранных дел Чехословакии. Будучи специалистом по этой стране, автор несколько раз, еще в советское время был в Чехословакии и работал в библиотеке МИДа. Там его внимание и привлекли эти донесения, выделяющиеся глубиной суждений и ясным пониманием многих процессов внутренней жизни СССР в 1920-е гг. Как известно «дьявол прячется в деталях», так вот, огромное количество этих самых мелких деталей, «штришков» выделяли отчеты этого дипломата от других подобных документов. Позднее автор выяснил, что чех по рождению Йозеф Гирса большую часть жизни прожил в Российской империи, на Украине, был управляющим больших имений, предпринимателем. На дипломатическую службу он поступил будучи уже зрелым человеком, бежав из России в результате трагических событий гражданской войны. Как бы то ни было, так случилось, что чехословацкую миссию в Советской России, с 1921 по 1932 г., возглавлял очень умный, тонко чувствующий политическую ситуацию человек, хорошо знавший страну пребывания и по своему переживавший за ее судьбу (Й. Гирса был женат на русской, его дети выросли в России). Поэтому можно согласиться с автором, что отчеты, которые посылались в МИД Чехословакии дипломатами Миссии этой страны в СССР в 1920-е гг., и особенно донесения самого Гирсы представляются весьма ценным источником по истории нашей страны 1920-х гг.

Не имея возможности в короткой рецензии охватить все аспекты исследования В.А. Шишкина, остановимся лишь на отдельных ее аспектах.

Большая часть книги Шишкина посвящена второй половине 1920-х гг. на основе анализа отчетов чехословацких дипломатов и корреспондентов крупных чешских газет, показывается, как постепенно в этот период нагнетается волна страха подозрительности, ограничиваются свободы советских граждан. Все еще только начиналось, было малозаметным, терялось в череде будничной суеты. Но опытный взор таких знатоков жизни в СССР, каким был Й. Гирса, выхватывал малейшие нюансы изменений. Затем на рубеже 1920–1930-х гг. эти изменения будут вычурными, кричащими, выльются в серьезные общественные противоречия и конфликты. А пока это только наметки, штришки. Тем эти наблюдения ценнее и интереснее.

В главе «“Закрытое общество”, демократия по-большевистски: выборы в советы и лишения». В.А. Шишкин сгруппировал отчеты Й. Гирсы, в которых он показывает ослабление демократии и демократических институтов в СССР во второй половине 1920-х гг.

1 марта 1926 г. Й. Гирса направил в МИД аналитическую записку о положении с печатью в Советском Союзе. «Советское правительство с первых дней своего существования, – пишет он, – уделяет огромное внимание периодической печати, которая является мощным средством пропаганды в СССР и за его пределами. Вся советская периодическая печать ... двоякого рода: официальная, правительственная, и коммунистическая; никакие другие газеты в СССР не разрешены. Некоторое исключение, возможно, составляют научные журналы (технические, медицинские и др.) и специальные - охотничьи, промысловые, но и в них, в общих статьях, в прилагаемых материалах и т. д. проводятся коммунистическая пропаганда и нападки против всего, что не является таковой. Свою печать советское правительство стремится распространять и за границей, посылая газеты почти во все страны мира...» [6, с. 101–102].

Любопытно приведенное Шишкиным донесение И. Гирсы от 6 января 1926 г., названное автором «Ленинизм – новая религия в России». По мнению автора, «это, вероятно, первое столь детальное и исчерпывающее свидетельство появления и ут-

верждения культа личности, зафиксированное так рано и характеризующее превращение ленинизма в некую разновидность официального социального или классового вероучения, надолго ставшего господствующим в СССР» [9, с. 103]. Русские коммунисты, которые объявляют себя при каждом удобном случае поборниками реализма и атеистами, которые заявляют, что предшествующая власть закабалала народ с помощью религиозного дурмана, и которые, в особенности в первое время после большевистского переворота, преследовали и преследуют всякую религию, высмеивали религиозные обряды, вытаскивали останки различных святых из гробниц и доказывали народу, что не следует бояться их призрачной силы, сегодня, после восьми лет правления в России, явно приходят к иному мнению. Перемены в тактике коммунистов в этом смысле начали отчетливо проявляться в особенности после смерти Ленина, и нет ни малейшего преувеличения в утверждении, что Россия приобрела новую религию, которая именуется ленинизмом, религию со всеми ее обрядами, проповедью неприкасаемости, исключительного положения и непогрешимости.

Пророком является Ленин. На Красной площади перед Кремлем стоит его мавзолей, и здесь в мистически красном подвале лежит в стеклянной витрине его забальзамированное тело. Мавзолей этот превратился в святое место, куда ежедневно приезжают толпы народа, подобно процессиям, которые некогда двигались на Руси к останкам святых. Приходит и много любопытных, но приезжает и очень много действительно добровольных и недобровольных паломников, таких как группы школьников, членов профсоюзов, заводских рабочих, паломники-мужики, экскурсии, которые организует государство. Любое важное государственное дело, которое некогда начиналось богослужением, теперь коммунисты открывают посещением ленинского мавзолея. Как и прежде, останки святых имели свои дни поклонения, так и ныне день смерти, рождения Ленина, юбилей переворота являются днями паломничества к его мавзолею.

Но и на этом коммунисты не остановились: раньше почти в каждом русском доме и в общественных зданиях и учреждениях, школах, больницах в углу были образа святых. Однако коммунисты в первые же дни, разумеется, все их огульно упразднили. Но скоро стало ясно, что пустое место необходимо заполнить. И коммунисты создали так называемые «ленинские уголки», где на место икон святых теперь находятся портреты Ленина. Такие уголки с Лениным должны быть в каждом клубе, в школах, учреждениях, их мы видим на заводах, в кооперативах, больницах, детских домах, в тюрьмах и личных квартирах многих коммунистов. Портреты Ленина, картины сцен из его жизни обрамлены кусками красной материи (раньше в домах простых людей возле икон были развешаны прозрачные ткани с народной вышивкой) и цветами.

Часто над его головой изображены сверкающие пятиконечные звезды, которые очень напоминают прежнее сияние вокруг голов святых. И как когда-то здесь были цитаты из Священного писания, так и теперь можно прочесть разные ленинские высказывания и цитаты. В школах, клубах, приютах в таких местах проходят доклады и лекции, в которых дается изложение учения Ленина» [9, с. 10–104].

Глубокое, интересное наблюдение. Но в 1920-е гг. навязывания культа пока не было таким «железобетонным», как десятилетием позже. Посвятив долгое время изучению истории нэпа в большом регионе страны – в Поволжье [1, с. 122], мы можем констатировать на огромном количестве источников, что большинство людей пока жило своей жизнью. У многих было свое дело, заботы о «хлебе насущном», и с государством граждане предпочитали встречаться во время уплаты налогов (пока это было возможно). В региональной прессе появляются статьи виднейших ученых, где они позволяют себе не соглашаться с официальной коммунистической пропагандой, и публиковать реальные сведения о положении местного хозяйства [2, с. 99–103]. Но усиливающийся «культ Ленина», эти не связанные с государством и партией люди оценивали по-своему, часто – с иронией. Так, в дошедшем до нас анекдоте того периода говорилось следующее: «Стандартная ситуация. Муж вернулся из командировки, а дома застал жену с любовником. В отчаянии достал револьвер

(надо сказать, многие ответственные работники носили тогда оружие), направил в обидчика. Жена же бросилась к нему со словами: «Не смей! Он Ленина видел!!!»». И все же, как показали дальнейшие события, тенденцию Й. Гирса заметил верно. И таких верных прозрений, предугадываний в его донесениях, как явствует из книги Шишкина, много.

В целом негативно оценивая экономическое и политическое положение в СССР в 1927 г., в год десятилетия Октябрьской революции (или Октябрьского переворота), Й. Гирса вынужден был признать: «Несмотря на то, что тяжелое положение, в котором спустя десятилетие оказалась советская власть, напоминает тупик, из которого нет выхода, несмотря на все это, нельзя ожидать никакого катастрофического переворота, который имел бы свое начало внутри СССР. Большинство населения России утрачено террором отлично организованного ГПУ, оно апатично и, наконец, большая его часть, хотя и не относится к коммунистам, несомненно, переворота не хочет, поскольку достигла уже некоего уровня существования при советской власти и убеждена, что при насильственном перевороте потеряла бы его. На конфликты внутри КП тоже нельзя рассчитывать, ибо они будут идти настолько далеко, пока не будут угрожать коммунизму в целом, а рассчитывать, что дело дойдет до такого предела, нельзя» [9, с. 109]. Так что из донесений Гирсы (в которых, в общем, изображается малопривлекательная картина жизни в СССР в 1920-е гг.) явствует, что большинство населения было довольно своим материальным положением при нэпе и не желало радикальной смены власти.

Большое внимание в своих донесениях в МИД Чехословакии Й. Гирса уделяет анализу советской избирательной системы второй половины 1920-х гг. Для него это был индикатор, показывающий реальное развитие уровня демократии в стране. Шишкин отмечает: «наблюдения чехословацкого дипломата позволяют составить весьма конкретную картину выборов в России (СССР) в 1920-х гг. и значительно углубляют представление об организации избирательных кампаний и степени активности широких слоев народа, которые обладали правом голоса. Прежде всего, необходимо напомнить, что по Конституции РСФСР выборы в России были неравными (рабочие избирали депутатов по квоте 5 : 1 по сравнению с крестьянами), непрямыми, а многоступенчатыми, ибо на каждой стадии избирательного процесса депутаты избирали уже избранные представители в соответствующий орган власти. В городе – районный и городской Совет, затем – губернский, затем – всероссийский и всесоюзный съезды Советов. В деревне низшие ступени, соответственно, представляли депутаты в волостном Совете, затем – в сельсовете, затем – в губернском совете и т.д.» [9, с. 110].

В книге приводится анализ чехословацкого дипломата одной выборной кампании в Москве весной 1927 г. В донесениях от 15 марта и 6 апреля 1927 г. он писал, что «нынешние выборы в советы отличаются от прежних большими затратами денег, размахом организации» [9, с. 111]. По словам Гирсы, Советы объясняют это тем, что выборы 1927 г. проходят в условиях 10-летнего юбилея большевистского переворота и что правительство должно идти навстречу пожеланию людей, которые ныне якобы с особым воодушевлением участвуют в выборах. «Однако представляется, – замечает Й. Гирса, – что как раз необычной главной причиной иллюминированных и раскрашенных шествий с музыкой, шествий, которые несут транспаранты и надписи против Англии и других государств и где достается государственным деятелям и правительствам некоммунистических стран, являются лозунги о мировой революции, силе Красной Армии, победе китайской революции и т. д., что общее настроение широких слоев выглядит унылым и ухудшится вследствие растущей дороговизны, обесценивания денег, массового увольнения рабочих и служащих, закрытия фабрик и заводов, возрастания безработицы и возможности войны. Советы сознают, что нынешняя апатия широких слоев начинает становиться неизбежной и праздничным проведением выборов и речами, помимо выпадов и объявлений против буржуазных стран, пытаются перенести злобу людей с себя на них» [9, с. 112]. Далее Й. Гирса описывает организацию выборов в Москве и сам ход их проведения. Картина выборов, описанная им с натуры, и небольшой комментарий выглядят следующим образом: «Москва для

выборов разделена на множество небольших избирательных округов (например, большие заводы имеют самостоятельные выборные участки), и в день выборов на данном заводе или в учреждении прекращается работа. Выборами руководит коммунистическая ячейка данного округа, а где она слаба, Московский совет посылает на помощь своих коммунистов. Сами выборы представляют собою, однако, сплошную комедию: намеченный кандидат одобряется «единогласно», и вновь избранные члены Совета идут в колоннах с музыкой по улицам, которые уже за несколько дней украшены флагами... к дому Советов, где их встречают выполняющие свою службу ораторы... Один говорит о внутривластном и экономическом положении СССР, другой хвалит Красную Армию..., а третий оратор – посреди избирателей – от имени выборного округа наставляет советы, чтобы они осуществляли ленинские заветы, волю рабочих и крестьян... Вокруг безразлично и равнодушно стоит толпа, люди курят папиросы, в группках острят, рассказывают анекдоты или ругаются, а оркестр несколько раз повторяет «Интернационал». Избранные затем уходят в Советы, а люди, которые не смели не участвовать в празднестве, поспешно расходятся по домам» [9, с. 112]. В результате описанных И. Гирсой выборов в феврале-марте 1927 г. в Москве, по данным губернской избирательной комиссии, было проведено 1495 избирательных собраний, в которых приняло участие около 1 млн человек. Общее количество членов нового Моссовета – 2283 человек, избранный тогда же Ленсовет насчитывал 1869 депутатов и 1055 кандидатов в депутаты [9, с. 112].

Эта громоздкость советов, их непомерная численность (конечно, районные или уездные советы были меньше, однако в той же Москве по итогам этих выборов районные советы насчитывали 2210 человек) приводили к тому, что исполнительная деятельность, как и реальное нормотворчество, по-прежнему проходили вне этих помпезных демократических «коллегий», в кабинетах чиновников [9, с. 113]. Все это очень сильно отличалось даже от деятельности дореволюционных органов, избираемых демократическим путем, формирование и деятельность которых клеймили большевики [11, с. 385].

Другой важнейший элемент избирательной системы 1920-х гг. – составление и применение на практике списков «лишенцев» – также продолжал развиваться и совершенствоваться и после декларированного «оживления» советов. В наиболее либеральные годы (1925–1926 гг.), когда нэп как бы приобрел второе дыхание, официальная пропаганда с воодушевлением отмечала, что критика советской власти за недемократичность избирательной системы несостоятельна. В дальнейшем же по прямому указанию ЦК ВКП(б), испугавшегося увеличения численности делегатов особенно крестьянских советов, проявивших явную нелояльность к большевистскому режиму, были изменены инструкции о выборах в сельские и городские советы (осень 1926 г.) в сторону расширения спектра «лишенцев» (до 15 категорий), т.е. лиц, не имевших прав голоса на выборах. В результате в 1927–1929 гг. число лишенных избирательных прав было резко увеличено, на карте России появились «города лишенцев» и поселки лишенцев, население которых на 60 - 80% состояло из этой категории граждан» [9, с. 113].

В главе «Путь Сталина к установлению нового авторитаризма в России» В.А. Шишкин подробно рассматривает те донесения И. Гирсы и других чехословацких дипломатов, которые касаются деятельности Генерального Секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина. Гирса, с присущей ему проницательностью, еще с середины 1920-х гг. заметил усиливающееся влияние И.В. Сталина в партии и государстве. К концу 1920-х гг. он констатирует, что усиление личной власти Генерального Секретаря ЦК ВКП(б) продолжает нарастать. «В донесении – от 1 июля 1929 г. – интересны соображения и факты, свидетельствующие о достижении Сталиным полного единовластия бонапартистского типа на фоне ставших фактически бесправными даже прежде всемогущественных структур ВКП(б), не говоря уже о формально высших органах государственной власти и управления» [9, с. 86].

«Позиции Сталина непрерывно усиливаются, – пишет дипломат. – Остатки властных полномочий ВКП, которые до недавнего времени еще сохранялись (так как советские государственные институты – ЦИК и Совнарком – в действительности управляются только диктатором ВКП) постепенно прибрали к рукам Сталин и его клика» [9, с. 86]. Далее следует весьма любопытное описание партийных «низов» и партийно-бюрократического аппарата, ставших основанием пирамиды новой личной диктатуры. «Сталин постоянно опирается на широкие слои коммунистов-неинтеллигентов и полуинтеллигентов на всех важнейших постах в партии (секретари отдельных организаций и ячеек ВКП) и везде имеет своих креатур. Своих людей начинает внедрять также на руководящую работу в комсомоле и профсоюзах. Главными деятелями, которые ныне руководят всей политической и экономической жизнью в СССР, являются сам Сталин, его ближайший помощник Молотов и секретари всех организаций партии. Народные комиссары – члены советского правительства – давно уже стали незначительными фигурами. Лишилось своего влияния и некогда могущественное Политбюро ВКП. Поэтому можно утверждать, что в СССР наступила эпоха бонапартизма...» [9, с. 86]. Новый советский бонапартизм, по мнению Гирсы опирается также и на армию через сеть надежных людей, которые «держат войска под своим контролем». То же относится и к ГПУ, со «стороны которого Сталин тоже полностью застрахован» [9, с. 86–87].

Верно уловив феномен возрождения русской авторкии, но уже в новых условиях и новой форме, Й. Гирса не сумел подняться над мнением многих недругов нашей страны, видя в личности И.В. Сталина и его деятельности только отрицательные черты. Для Гирсы Сталин «серый человек», оказавшийся случайно у власти. В своем послании в МИД Чехословакии от 21 января 1927 г. Й. Гирса писал: «Столкновения и борьба за власть, которые начались после смерти Ленина в русской компартии, а также случайное стечение обстоятельств постепенно выдвинули Сталина на его нынешний пост действительного диктатора России. Это положение владычества одного лица, однако, достигнуто против воли и настроения всей компартии. Это чувствует и сам Сталин, и потому в последнее время наблюдается его стремление окружить себя надежными и преданными себе людьми на первостепенных должностях, которые осуществляли бы его приказы и политическую программу» [9, с. 85]. Сталин, как считал Гирса, жадно любит власть, и нет такого коварства, которое он не применил бы для ее удержания. «Сталин сам не является в действительности таким вождем, который возвышался бы над группой, несущей его имя и обладал бы какими-либо выдающимися способностями, чтобы единолично руководить ее деятельностью... За границей переоценивают Сталина и его нынешнюю роль в ВКП(б). Однако, – продолжает Гирса, – известная ординарность Сталина, его близость и понятность окружающей его среде серого партийного чиновничества как раз и играет важнейшую роль в его неуклонном продвижении к вершинам власти, дает ему колоссальное преимущество перед яркими, талантливыми, но в большинстве случаев оторванными от низовой партийной массы оппозиционерами». «Сталин, – пишет Гирса, – упорный и настойчивый человек, который длительное время работает исключительно внутри компартии и не занимает каких-либо официальных постов. Именно благодаря тому, что он не слишком выделялся из рядовых коммунистов и не проявлял никаких особых амбиций к достижению высшей власти, и что его личные качества не таковы, чтобы в нем предполагали или считали его способным захватить власть (как это было в случае с Лениным или как это можно было ожидать от Троцкого), именно поэтому его относительная посредственность избавила его ближайшее окружение от опасения, что он мог бы стать «Наполеоном», и выдвинула его во главу группы, которая держит ныне в руках государственную власть и называется его именем. И вероятно, постоянное повторение имени «Сталина» в иностранной печати было причиной, что за граница видит в нем будущего «Наполеона» русской революции, которым он в действительности не является. Под словом «Сталин» нужно понимать целую группу людей, состоящих в борьбе против оппозиции, которая не имеет такого же общего

представителя и руководителя хотя бы потому, что в ней (оппозиции) соединилось столько идейно разных элементов. Перевес сегодня на стороне сталинцев; однако, не потому, что их соединил сильный вождь Сталин или какая-либо общая идея, но потому, что держат в руках ГПУ, армию и весь госаппарат» [9, с. 73].

Й. Гиса изображает Сталина сосредоточением всех наихудших черт, присущих людям. «Беспримерное лицемерие, ложь, тщательно продуманные мистификации, которые, будучи по своей природе глубоко безнравственными, тем не менее, позволяли Сталину обманными маневрами постоянно укреплять свое положение в партийном аппарате, вводить в заблуждение десятки и сотни более доверчивых, щепетильных и честных людей, не говоря уже о таких достаточно изворотливых политиках, как Зиновьев, Каменев, Троцкий и др. Надо признать, что уловки Сталина безотказно действовали и на рядовую партийную массу, и на политических деятелей, долгие годы работавших рука об руку с Лениным» [9, с. 73].

Гирса не увидел (или не захотел увидеть) глубинные причины борьбы И.В. Сталина с оппозицией. Поэтому зачастую деятельность Генсека у него сводится к мистификациям серьезных болезней и угрозам отставкой в решающие моменты борьбы за власть. В течение всей второй половины 1920-х гг. Сталин неоднократно повторял этот маневр, о чем свидетельствуют доказательства и слухи, регулярно приводившиеся в донесениях Й. Гирсы. При этом такие «сведения» о тяжелых болезнях и возможных «отставках» И.В. Сталина появлялись именно в наиболее напряженные периоды борьбы с различными оппозиционными течениями либо в связи с обострившимися внутривластными и хозяйственными трудностями, когда вслед за «отставками» логично было ожидать просьбы со стороны партийного руководства не оставлять своего поста в тяжелое для страны время.

Так, накануне нового этапа борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией, по свидетельству Й. Гирсы, «в иностранной печати появилось сообщение, что Сталин тяжело болен и в данный момент страдает малярией и язвой желудка». Между тем, как пишет Й. Гирса в свой МИД, «12 января я сам видел лично Сталина в Большом театре, и он не произвел на меня впечатление человека, который был бы действительно болен какой-либо явной и тяжелой болезнью, как об этом можно было бы судить по упомянутым газетным сообщениям». Однако слухи продолжали инспирироваться различными дипломатическими представительствами некоторых государств, и Гирса в ответ на запросы своего министерства в марте 1927 г. вновь сообщает, «что в состоянии здоровья Сталина ничего существенно не изменилось, то есть ни о каком смертельном заболевании Сталина здесь ничего не известно» [9, с. 75].

В эту череду «смертельных болезней» Сталина во время обостренной борьбы с оппозицией, особенно весной и осенью 1927 г., когда проходили события, связанные с XIV Московской губпартконференцией, и приближалась окончательная схватка на предстоящем XV съезде ВКП(б), вполне вписывалось и распространение волны слухов о предстоящем уходе Сталина с поста генсека на съезде партии в декабре 1927 г. 30 ноября 1927 г. Й. Гирса пишет следующее донесение в МИД: «В Москве уже некоторое время ходят слухи, что Сталин хочет на XV съезде ВКП(б) сложить с себя функции генсека партии, мотивируя этот свой шаг перенапряжением и необходимостью отдохнуть. В то же время говорится и о его преемниках, которыми якобы должны стать либо Молотов, либо Томский. Известно, что Сталин уже делал подобную попытку, но дал себя упросить партии не оставлять своего поста. Возможно, что дело опять сводится к маневру, чтобы этим способом документально зафиксировать доверие и преданность партии Сталину, что значительно бы усилило его позиции в случае, если бы съезд попросил его опять, чтобы он снова остался секретарем» [9, с. 75].

Это предположение чехословацкого дипломата всецело подтвердилось. Новый сталинский маневр действительно вызвал такую реакцию в тогдашнем большевистском руководстве, на которую и рассчитывал генсек. Когда на первом же после XV съезда ВКП(б) пленуме ЦК (19 декабря 1927 г.) Сталин попросил освободить его от обязанностей генерального секретаря партии, никто иной, как А.И. Рыков, обос-

новал невозможность такого шага. «Раз сам институт генсека и работа тов. Сталина в качестве генсека оправдана всей жизнью нашей, организационной и политической, как при Ленине, так и после смерти тов. Ленина, оправдана на все сто процентов – никаких аргументов за то, чтобы изменить это положение теперь, по-моему, нет» [9, с. 75].

В.А. Шишкин отмечает, что «Й. Гирса в своих донесениях подчеркивал мысль о том что «политические разногласия, связанные с определением курса развития страны, не были для Сталина главными в борьбе с оппозицией...» [9, с. 79–80]. Это суждение чехословацкого дипломата представляется поверхностным. А может быть Й. Гирса, находясь в плену определенных взглядов и концепций на развитие нашей страны, просто не хотел видеть позитивное в происходящем, концентрируясь в основном на негативе (которого тоже было немало)?

В этой же главе В.А. Шишкин публикует донесения Й. Гирсы, в которых обнаружили интересные факты о перемещениях в высшем командном составе Красной армии, в связи с обострившейся внутривнутрипартийной борьбой конца 1920-х гг.

Йозеф Гирса констатирует, что в партийно-государственное руководство СССР было хорошо информировано о настроениях среди командных кадров Красной армии. «Окрепший в результате разгрома “левой оппозиции” сталинский режим, тем не менее, с ростом новых противоречий в руководстве, вызванных переходом Сталина и его ближайших соратников к крайне радикальной левацкой политике в крестьянском вопросе и в связи с форсированной индустриализацией промышленности, несмотря на свою хорошую осведомленность о положении в высших военных кругах, начал опасаться угрозы с их стороны. С начала 1928 г. в связи с кризисом хлебозаготовок, применением чрезвычайных мер в деревне, а также с появлением новой “правой оппозиции” в ВКП(б) Сталин, по мнению многих наблюдателей, стал испытывать острый страх перед возможным выступлением на стороне “правых”, да и многих недовольных политикой “великого перелома” представителей высшего военного руководства Красной армии» [9, с. 91]. В ноябре 1928 г. Й. Гирса докладывал в МИД, что «уже некоторое время назад были отстранены с ключевых постов Красной Армии все заслуженные во время революции “партизаны” как элемент для Советов ненадежный. Позднее дело дошло до всех подозреваемых в “национальном бонапартизме”, первым из них стал бывший начальник генерального штаба Красной Армии М.Н. Тухачевский. В этих же стремлениях был обвинен и умерший народный комиссар по военным делам М.В. Фрунзе». К этим подозрениям были искусно подключены обвинения в антисемитизме ряда военачальников, в особенности П.Е. Дыбенко.

В 1928 г. приказами Реввоенсовета была проведена настоящая перетасовка высших военных кадров, их внезапное перемещение из одних районов пребывания в другие, нередко со значительным понижением в должности. Так, приказом РВС (по личному составу армии) от 3 мая 1928 г. подозреваемый в «национальном бонапартизме» выдающийся советский полководец и теоретик военного дела М.Н. Тухачевский был смещен с должности начальника штаба РККА и назначен командующим войсками Ленинградского военного округа. Прежний командующий войсками ЛВО А.И. Корк освобожден от этой должности с назначением для особо важных поручений при наркомате по военным и морским делам и председателе РВС. Беспартийный командующий войсками Московского военного округа Б.М. Шапошников был освобожден от этой работы и поставлен вместо Тухачевского во главе штаба РККА. Несколько позднее приказом РВС от 15 мая крупный советский военачальник В.К. Блюхер, состоящий по особо важным поручениям при РВС СССР, переводился на должность помощника командующего войсками Украинского военного округа взамен Н.Д. Каширина, переведенного на должность помощника командующего войсками Белорусского военного округа. Естественно, что для Тухачевского и Блюхера это было явным понижением их статуса в Красной армии. Этим перетасовка в военных кругах не закончилась [9, с. 91]. Анализируя эти и подобные им перемещения высшего командного состава Красной армии, чехословацкий дипломат, как правило, связывает их со стремлением Сталина иметь под рукой надежных людей на случай

каких-либо внутривластных осложнений. Так, комментируя постановление СНК СССР о смещении И.П. Уборевича с поста начальника Московского военного округа и назначении на его место А.И. Корка, Й. Гирса пишет, что «начальник Московского военного округа в нынешней ситуации советской власти является весьма важным и сильным деятелем, который в необходимый момент с помощью нескольких полков мог бы разом изменить судьбу Кремля. Это означает, что для Сталина Корк надежнее, чем Уборевич» [9, с. 91].

С этой же точки зрения, основываясь на имеющейся в его распоряжении достоверной информации, отмечает Й. Гирса и положение ряда других военачальников Красной армии. Касаясь событий ноября 1930 г., которые характеризовались обострением борьбы «правой оппозиции» со Сталиным, чехословацкий дипломат пишет, что «в самой оппозиции наступило сближение наиболее радикальных элементов, которые готовили совместно общую акцию против сталинцев. Были тут замешаны и военные круги, в особенности говорилось о командующем дальневосточной армии Блюхере. Эта новая группа получила название право-левый блок и против нее с конца ноября в первую очередь направлено наступление сталинцев» [9, с. 92].

Возможно, эти события объясняют репрессии 1937–1938 гг. в Красной армии. Военачальники принимали участие во внутрипартийной борьбе, развернувшейся в 1920–1930-е гг.

В главе «Если завтра война? Дипломатические ссылки и первые “невозвращенцы”» В.А. Шишкин уделяет такому интересному периоду как, так называемая «военная тревога 1927 года». Он отмечает: «Сложившееся международное положение России, по мнению представителей чехословацкой миссии в Москве, отчасти отражало действительно возросшее напряжение в отношениях России с рядом западных стран, и прежде всего с Англией, отчасти довольно откровенно использовалось и искусственно раздувалось большевистским руководством для “сплочения народа” перед лицом возможной угрозы и предотвращения назревавших в стране политических и экономических конфликтов. Наконец, военная истерия давала возможность ужесточения внутреннего режима как по отношению к оппозиционным кругам в партии, так и по отношению к тем слоям общества, которые рассматривались как потенциально опасные. Она послужила хорошим поводом для возобновления практики «красного террора», которая охватила довольно широкие круги народа от интеллигенции, ставшей вдруг враждебной» [9, с. 116].

Летом-осенью 1927 г. развернулась бурная кампания по укреплению обороноспособности страны и усилению бдительности. Прошли рабочие и партийные собрания, заседания партийных комитетов, посвященные этому вопросу. Чтение прессы городов Поволжья дали мне много интересного материала иллюстрирующих наблюдения Й. Гирсы. Например статья из астраханской газеты «Коммунист» от 13 сентября 1927 г.: «...Немного фантазии. Предположим, что противник (а самый ярый, это и пионер знает, это Англия) допустим, что эта самая Англия сумела натравить на нас Польшу и та выступила. На границе бои. Вмешивается Англия. А так как Англия помешана на нефти, то следует немедленный захват ею портов Каспия. Речные мониторы входят в Волгу, Астрахань захвачена десантом морской пехоты, поддержанной огнем мониторов. Допустим, полк, защищающий город вышел из него, для подготовки встречного удара. Тогда Астрахань во власти оккупантов. Жизнь замерла. Грубость и произвол солдат “Его Величества”, оскорбительные приказы вызывают глухое брожение. Из города бегут к полку рабочие и партийцы. Партийная организация уходит в подполье, не успевшие – арестованы.

Надо выбить англичан. Летчики доносят, что сил противника не так много. Нельзя допускать их дальнейшего накопления. А накопление продолжается, т.к. англичане, оккупировав низовые районы, реквизируют у населения все перевозочные средства и на них направляют подкрепления в город. Попутно у населения отбираются запасы продовольствия. В полку появляются беженцы из низовых сел, ограбленные, терроризированные оккупантами.

Командование полка отдает приказ о наступлении... Такова канва, на которой должны развернуться маневры» [2, с. 119–120, 5, с. 60].

Еще более глубоко и обстоятельно военная истерия в СССР весной-летом 1927 г. оценивается в донесении Й. Гирса в МИД от 11 июня 1927 г. в связи с опубликованием в советской прессе материалов и тезисов Коминтерна об опасности войны против СССР. «Постоянные крики Советов об опасности войны и устрашение широких слоев рабочих и крестьян ее угрозой и последствиями – возвращением царя и буржуазии, отобранных заводов и фабрик, захваченной земли и передачей всего этого богачам и помещикам не считается советскими кругами самым важным. Это только лишь фикция, которая имеет своей причиной недовольство населения, ширящегося также среди рядовых членов компартии. Это недовольство существующими отношениями проявляется ныне как политическая апатия ко всему, что делается вокруг. Устрашением войной широкие слои населения должны быть выведены из этой апатии, их ненависть должна быть обращена против буржуазии и всех капиталистических стран, и тем самым их внимание могло бы быть переключено от событий внутри Советского Союза на международную опасность» [9, с. 119]. Это, по мнению Й. Гирсы, широко используется в пропагандистской кампании советской печати.

В другом сообщении чехословацкой миссии из Москвы еще более определенно говорится, что одним из проявлений современной внутренней и внешней политики Советов была окончившаяся 17 июля 1927 г. «Неделя обороны». Задачей этой недели было стремление партийно-государственного руководства удержать советскую общественность в напряжении и доказать ей, что буржуазные государства готовятся напасть на нее: «В этом духе ведется и вся пропагандистская работа, мероприятия на фабриках и заводах и заключительный митинг недели, на котором выступили Уханов, Енукидзе, Ворошилов, Бухарин, В. Коларов (Коминтерн) и др.» [9, с. 119].

Общая картина жизни в стране, описанная иностранным наблюдателем, свидетельствует лишь о размахе военного психоза и военных мероприятий в СССР в июле-августе 1927 г. «По всему СССР, – говорится в отчете Й. Гирсы, датированном 5 августа 1927 г., – проводятся военные и военно-морские маневры, инспекции гарнизонов и смотры войск». Ворошилов, отмечалось далее, участвовал в морских маневрах на Черном и Балтийском морях, инспектирует боеготовность флотов. Проводились военные игры и маневры, организованные комсомолом Москвы. Увеличивается число санитарных поездов. Многие фабрики и заводы перешли к работе на оборону (текстильные и обувные – военное обмундирование). Осоавиахиму решено передать в 1927 г. 200–300 новых аэропланов. Пополняются военные склады.

В губерниях Поволжья под руководством партийных организаций прошли недели обороны, сборы денег на эскадрилью самолетов «Наш ответ Чемберлену» [10]. На эскадрилью «Наш ответ Чемберлену» в Сталинграде было собрано 50000 руб. [4]. Причём из материалов прессы можно проследить, как искусственно нагнеталась военная истерия: «Пасмурное утро. Сегодня открытие летнего сезона.

Сборный пункт физкультурников – Дворец Труда. Змейками стекаются на Советскую кружки-колонки. Знамена, оркестры. ...

Руководители самарских физкультурников решают импровизировать митинг протеста против налёта на советское торгпредство.

На трибуне – председатель ГСПС и ГСФК тов. Кислов.

Краткий доклад о международном положении, событиях в Китае, о последнем “трюке” английского правительства.

Внимательны – насторожились ребята. Слушают.

Резолюция: “Мы, физкультурники Самары, присоединяемся к голосу трудящихся Советского Союза, выражаем свое негодование по поводу разгрома советского торгпредства в Англии... Мы хотим мира, но если будет нужно, сумеем крепко держать винтовку в своих руках. Да здравствует физкультурная армия – надёжный страж завоеваний Октября! Да здравствует Коммунистическая партия! Да здравствует мировая революция!”» [6].

Поверившее в угрозу войны население поволжских городов бросилось скупать продукты питания, что привело летом – в начале осени к перебоям в снабжении и очередям в продуктовых магазинах [7, с. 95].

В связи со слухами о возможности войны газеты печатают речи Ворошилова на I съезде Осоавиахима, Н.И. Бухарина 27 января 1927 г. в Ленинграде, К. Радека «Грозит ли нам интервенция?» и многих других. Как писал Й. Гирса в донесении от 29 января 1927 г., во всех этих заявлениях «в форме слухов повторяется старая песенка, что капиталистические государства хотят напасть на миролюбивый СССР, вспоминается угроза голодом и указывается на то, что советское правительство при поддержке широких слоев может защититься от грозящей опасности». «Я разговаривал в НКВД с Литвиновым и Ротштейном (член коллегии НКВД), они сами перевели разговор на эту тему, – писал Й. Гирса. – И когда я сказал, что подобную войну считаю более или менее фантазией, мне было сказано: “Не скажите, не скажите, у нас такие хорошие соседи, что можно ожидать всякого”. Совершенно ясно, что советы о международном положении весьма хорошо информированы, и поэтому нельзя отделаться от мысли, что для них речь идет о том, чтобы своими неопределенными заявлениями об опасности войны и интервенции со всеми печальными последствиями для населения держать широкие слои в напряжении, чтобы увести их внимание от внутриэкономического и политического кризиса и утверждать, что вина за кризисное внутреннее положение и беспокойство ложится на буржуазные государства». [9, с. 120]

В заключении автор замечает: «Книга, с которой ознакомился читатель, – “Россия в годы “великого перелома” в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.)” имела скромную цель. Ее задача состояла лишь в том, чтобы пополнить круг первоклассных западных источников по истории нашей страны в сложное и переходное время становления сталинского авторитаризма. При этом автор не стремился к детальному воссозданию всего этого сложнейшего периода развития российского государства» [9, с. 270]. Но даже в хрестоматиях просматривается личность составителя, чего уж говорить о такой работе. Впрочем, как великолепный специалист по нэпу, В.А. Шишкин зарекомендовал себя в книге «Власть. Экономика. Политика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.)», а в рецензируемой работе он закрепил эту репутацию. В.А. Шишкин познакомил историческую общественность не только с любопытным историческим источником, охватывающим многие сферы жизни советского общества в 1920-е гг., но и с интересным, человеком, каким через свои донесения просматривается глава чехословацкой дипломатической миссии в Москве. Книга «Россия в годы “великого перелома” в восприятии иностранного дипломата (1925–1931)» будет интересна не только специалистам, но и всем интересующимся отечественной историей 1920-х – 1930-х гг.

Список литературы

1. Виноградов С. В. Мелкотоварное крестьянское хозяйство Поволжья в 1920-е гг. / С. В. Виноградов. – М. : Голос, 1998. – 150 с.
2. Виноградов С. В. НЭП: Опыт Создания многоукладной экономики / С. В. Виноградов. – М. : Голос, 1996. – 122 с.
3. Виноградов С. В. О некоторых проблемах фальсификаций в провинциальной экономической прессе 1920-х гг. / С. В. Виноградов, Н. И. Волосухина, Ю. Г. Ещенко, М. В. Черник // Сохранение культурного наследия и проблемы фальсификации истории : мат-лы Всерос. молодеж. конф. в рамках Фестиваля науки : в 2 т. / под ред. проф. П. Л. Карабушенко. – Астрахань : АГУ, 2012. – Т. 2. – С. 99–103.
4. ГАСД АО. – Ф. 1, оп. 1, д. 201, л. 23.
5. Ещенко Ю. Г. Астрахань как южный форпост советской власти в годы Гражданской войны / Ю. Г. Ещенко // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции : мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. – Архангельск : Поморский ун-т, 2008. – С. 60.
6. Коммуна. – 1927, 17 мая.
7. Красноженова Е. Е. Продовольственная политика государства в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) / Е. Е. Красноженова

// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Ч. 2. – 2012. – № 10 (24). – С. 93–96.

8. Павлюченков С. А. Россия неповская / С. А. Павлюченков. – М. : Новый хронограф, 2002. – 486 с.

9. Шишкин В. А. Россия в годы «Великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.) / В. А. Шишкин. СПб : Дмитрий Буланин, 1999. – 273 с.

10. ЦДНИ ВО. – Ф. 1, оп. 1, д. 159, л. 43.

11. Черник М. В. Мировая юстиция при Временном правительстве в 1917 г.: попытка трансформации. (На материалах Астраханской губернии) / М. В. Черник // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 4. – С. 384–388.

References

1. Vinogradov S. V. Melkotovarnoe krestyanskoje khozyaystvo Povolzhya v 1920-e gg. / S. V. Vinogradov. – M. : Golos, 1998. – 150 s.

2. Vinogradov S. V. NEP: Opyt Sozdaniya mnogoukladnoy ekonomiki / S. V. Vinogradov. – M. : Golos, 1996. – 122 s.

3. Vinogradov S. V. O nekotorykh problemakh falsifikatsiy v provintsialnoy ekonomicheskoy presse 1920-kh gg. / S. V. Vinogradov, N. I. Volosukhina, Yu. G. Yeshchenko, M. V. Chernik // Sokhraneniye kulturnogo naslediya i problemy falsifikatsii istorii :

mat-ly Vseros. molodezh. konf. v ramkakh Festivalya nauki : v 2 t. / pod red. prof. P. L. Karabushchenko. – Astrakhan : AGU, 2012. – T. 2. – S. 99–103.

4. GASD AO. – Ф. 1, оп. 1, д. 201, л. 23.

5. Yeshchenko Yu. G. Astrakhan kak yuzhnyy forpost sovetskoj vlasti v gody Grazhdanskoj vojny / Yu. G. Yeshchenko // 1918 god v sudbakh Rossii i mira: razvertyvaniye shirokomasshtabnoy Grazhdanskoj vojny i mezhdunarodnoy interventsii : mat-ly Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. – Arkhangelsk : Pomorskiy un-t, 2008. – S. 60.

6. Kommuna. – 1927, 17 maya.

7. Krasnozhenova Ye. Ye. Prodovolstvennaya politika gosudarstva v period Velikoj Otechestvennoy vojny (na materialakh Nizhnego Povolzhya) / Ye. Ye. Krasnozhenova // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. – Ch. 2. – 2012. – № 10 (24). – С. 93–96.

8. Pavlyuchenkov S. A. Rossiya nepovskaya / S. A. Pavlyuchenkov. – M. : Novyy khronograf, 2002. – 486 s.

9. Shishkin V. A. Rossiya v gody «Velikogo pereloma» v vospriyatii inostrannogo diplomata (1925–1931 gg.) / V. A. Shishkin. SPb : Dmitriy Bulanin, 1999. – 273 s.

10. TsDNI VO. – Ф. 1, оп. 1, д. 159, л. 43.

11. Chernik M. V. Mirovaya yustitsiya pri Vremennom pravitelstve v 1917 g.: popytka transformatsii. (Na materialakh Astrakhanskoj gubernii) / M. V. Chernik // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura. – 2012. – № 4. – С. 384–388.

ВОЛЬФГАНГ БЕЛЬТРАККИ – ФАЛЬСИФИКАТОР СТОЛЕТИЯ

(Рецензия на книгу Штефана Кольдехофф и Тобиаса Тимм

«Ненастоящие картины, настоящие деньги»)¹

Лебедева Ирэна Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент

Астраханский государственный университет

410056, г. Астрахань, ул. Татищева 20а

E-mail: irenalebedeva@mail.ru

Постнов Сергей Дмитриевич, студент

Астраханский государственный университет

410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: serjpostnov@rambler.ru

---

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект 2012-1.1-12-000-3001-057 «Фальсификация политической истории: от достоверности идеологической к достоверности научной».